

взаимного поземельного кредита имеет важное государственное значение, поскольку затрагивает интересы всех сословий, адвокат В. И. Жуковский доказывал, что, напротив, Общество ни в коей мере не способствует благоденствию средних и мелких землевладельцев, как крестьян, так и небогатых помещиков: «Прокурор полагает найти потерпевших среди крестьян от злоупотреблений Юханцева и связывает с затруднительным положением Общества поземельного кредита размеры вывоза хлеба за границу. Если бы мы сообщили эти соображения прокурора крестьянам в той или другой местности, то относительно вывоза за границу, быть может, они отозвались бы, что сами нуждаются в хлебе; что же касается ссуды в 100 000 руб., выданной помещику, они, быть может, сказали бы, что их барин живет в Париже, немцем-управляющим они недовольны, землю помещицью арендуют и арендную плату в срок платят. По моему мнению, значение Общества поземельного кредита определяется весьма просто: оно призывает на пир богатей; народу же от этого пира не остается ни крохи <...> Все приведенные мною соображения не оправдывают Юханцева, но защита не может допустить, чтобы на голову подсудимого взвалили нарушение каких-то небывалых государственных интересов».¹⁷

Как можно заметить, главным пунктом и в защите Юханцева, и в восхвалении рассказчиком ловких «предпринимателей» из «Отборного зерна» является то, что эти аферы никого не обездолили. Поэтому вполне можно предполагать, что процесс Юханцева, широко освещавшийся в печати, послужил одним из импульсов для вызревания замысла «Отборного зерна», где рассказчик — воплощение лесковской «провокативной морали»¹⁸ — формулирует основной смысл происходящего с помощью известной поговорки: «вор у вора дубинку украл» (7, 282).

Подводя итоги, можно сказать, что заметка «О юханцевских часах» не только дает материал для некоторых выводов об источниках лесковских сюжетов, но и позволяет судить о соотношении, а порой и о взаимопроникновении публицистического и художественного письма в творчестве писателя. Тем более, что подзаголовки и рассказы «Импровизаторы» («Картинка с натуры»), и первой журнальной публикации рассказа «Отборное зерно» («Натуральная трилогия») направляли внимание читателя в сторону сложных опосредованных связей литературы и реальности.

¹⁷ Жуковский В. И. Дело Юханцева // Судебные речи известных русских юристов. М., 1957. С. 387.

¹⁸ Лихачев Д. С. «Ложная» этическая оценка у Н. С. Лескова // Лихачев Д. С. Литература — реальность — литература. Л., 1981. С. 162.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-92-101

© Тянь Хунминь (КНР)

ЗА ПРИЛАВКОМ: «ДРУГАЯ ЛИТЕРАТУРНОСТЬ» А. П. ЧЕХОВА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Современное чеховедение строится на разнообразном материале; литературные тексты, научные биографии писателя, опубликованные дневники, воспоминания современников, переписки, а также архивные материалы, относящиеся к жизни и творчеству Чехова, позволяют многосторонне и в разных аспектах охватить почти все вопросы, касающиеся творчества Чехова: от поэтики его отдельных художественных текстов до вопросов логоцентризма. В процессе исследования был создан новый Чехов, и он продолжает создаваться в нашу эпоху. Однако окончательных выводов не сделано, и очевидного пути к ним пока не найдено. Глубокое изучение, подкрепленное архивными данными, должно идти параллельно с применением новейших гуманитарных методологий.

Перед всеми исследователями стоит общая задача: изучать Чехова односторонне уже нельзя, изучить полностью — вряд ли возможно; но рассмотреть отдельные вопросы чеховедения с разнообразных сторон — возможно, желательно и даже необходимо. Любой широкий обзор начинается с биографии писателя. В биографии Чехова белых пятен практически не осталось. Однако любопытно отметить, что он тщательно старался отделить свою личную жизнь от профессиональной и фактически не создал ни одной автобиографической работы даже в период «Антоши Чехонте», когда он был начинающим писателем, для которых типичен выбор автобиографического произведения как одного из первых шагов на творческом пути. Эта закономерность прослеживается у предшественников Чехова, от Пушкина до Толстого, и поддерживается его современниками — Горьким, Буниным и другими писателями рубежа XIX–XX веков. Тем не менее отсутствие чеховских автобиографических работ не является препятствием для изысканий ученых в области его биографии и тем более не снижает интереса со стороны читателей: и те и другие стремятся найти «следы» самого Чехова в его произведениях. На сегодняшний день можно перечислить целый ряд общепринятых выводов о связи биографии Чехова и его художественных произведений.

Первым стоит вопрос о художественном направлении чеховского творчества. Для своих современников Чехов являлся писателем-натуралистом или импрессионистом; среди писателей своего времени он — значительная фигура и принадлежит к числу рационалистов или скептиков, будучи при этом «большим иррационалистом, чем некоторые из известных мистиков из символистского лагеря».¹ В то же время Чехова нельзя назвать писателем-философом, как Достоевского или Толстого.

Здесь следует учитывать исторический контекст. В период после крестьянской реформы 1861 года литературная критика окончательно оформляется как профессиональная, в отличие от первой половины XIX века, когда критиками писателей были в основном друзья или заинтересованные недоброжелатели: «...он (Чехов. — Т. Х.) сделал себе имя публикациями в массовых изданиях. Это был профессионализм такого рода, который оттолкнул бы не только авторов, подобных Жуковскому, но, возможно, даже Достоевского. Будучи необходимым, превосходным форумом для развития профессионального критика <...>, журнал все еще был адресован относительно небольшой группе читателей, часто друзей и знакомых».²

Второй вопрос — о значении религии для Чехова: стоял ли перед писателем выбор, быть верующим или нет, иметь свое собственное понимание религии или не стремиться к этому. Изучавший эту проблему А. П. Чудаков считал, что главной ценностью для Чехова оказывается обширность поля между двумя крайностями — верой и атеизмом — и движение внутри него: «*Человек поля*, с напряжением всех душевных сил идущий к познанию „в далеком будущем“ „истины настоящего Бога“, не присоединяется ни к одному из известных решений, ни к Достоевскому, ни к современному религиозному движению, но находится всегда в самом поле, в его разных точках».³

Третий вопрос касается социальной активности писателя, его отношения к властям, к государству. Чехов терпел или игнорировал даже то, что вызывало у него раздражение. Он с презрением отнесся к пожалованному дворянству, отказался читать коронованным особам свои рассказы. Почему Чехов не произнес ни единого хвалебного или критического слова в адрес высшей власти, а перенес все свое внимание на чиновников — загадка: «...реакции А. П. Чехова на злобу дня непубличны, ненавязчивы, осмотрительны».⁴ Но данное утверждение оказывается спорным в свете раскрытия новых архивов и появления новых аргументов, особенно с учетом социальной деятельности писателя в последние десять лет жизни вплоть до 1904 года, когда ни критика, ни сам Чехов не верили, что он станет общепризнанным классиком мировой литературы.

¹ Чудаков А. «Между „есть Бог“ и „нет Бога“ лежит целое громадное поле...»: Чехов и вера // Новый мир. 1996. № 9. С. 190.

² Kahn A., Lipovetsky M., Reyfman I. A History of Russian Literature. Oxford, 2018. P. 374–375.

³ См.: Чудаков А. «Между „есть Бог“ и „нет Бога“ лежит целое громадное поле...». С. 188.

⁴ Пептиев В. И. А. П. Чехов и его современники в контексте общественных дискуссий рубежа XIX–XX вв. // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4 (15). С. 235.

Согласно материалам, осмысленным В. И. Пефтиевым, именно в эти десять лет Чехов регулярно отправлял посылки с книгами из России и Ниццы для школьной библиотеки родного города Таганрога. В течение трех лет (с 1894 года) он состоял гласным Серпуховского земского собрания. Среди направлений его социальной деятельности финансирование из личных денег строительства и ремонта школ в селах Талежь, Новоселки, Мелихово; участие во Всероссийской переписи населения 1897 года; сбор средств для голодающих, больных чахоткой и холерой; бесплатная медицинская помощь крестьянам. Пефтиев добавил к этому и другие факты: малоизученную реакцию Чехова на Ходынку в Москве (18 мая 1896 года) и на голод в Поволжье 1899 года.⁵ В. Б. Катаев также затрагивает данные вопросы в своей статье «Чехов и Романовы», акцентируя внимание на том, что «жизнь Чехова протекла в три последние российские царствования. <...> В отличие, скажем, от Пушкина, <...> Чехов не мог похвалиться личным общением с тремя Романовыми». Пересечения чеховской биографии с «событиями и деяниями в канве правления Романовых» были по большей части косвенными.⁶

Три вышеперечисленные области далеко не исчерпывают разнообразие биографических исследований в чеховедении,⁷ но они, безусловно, связаны между собой и в этой взаимосвязи относятся к историческому периоду 1860–1900-х годов, особенно к творчески осмысленным Чеховым 1880-м годам. Ко времени начала им профессиональной карьеры писателя результаты реформы 1861 года уже оформились и оказали сильное влияние на социальный процесс. Кроме того, сама историография во второй половине XIX века также подвергается изменениям. В этой связи исторический процесс должен рассматриваться не в качестве исключительно социального фона жизни Чехова, а скорее как антология чеховской литературной деятельности. Мы в этом смысле опираемся на теорию немецкого философа В. Виндельбанда, по мысли которого «возможность истории как науки зависит от принципа отбора, который отличает историю от простого события. Область исторических знаний включает в себя далеко не все, что происходит, и даже не все события, в некотором смысле относящиеся к образу действий людей, входят в область исторических наук».⁸

В этом отношении крестьянская реформа 1861 года, хотя и рассматривалась детально в историческом ключе, недостаточно изучена как культурное и социологическое событие, формировавшее повседневность. Немало исследователей Чехова видели в пореформенной эпохе только отрицательную сторону, что в определенной степени влияет на полноту представлений о поэтике Чехова. Между тем среди специалистов отсутствует единство взглядов относительно степени распространенности крепостнических отношений, а также факторов, породивших крепостное право и обусловивших через два с половиной столетия его отмену.⁹

Говоря о Чехове и его времени, следует отметить два аспекта, определивших целостность периода 1861–1904 годов: это, во-первых, разделение сословий, а во-вторых, формирование нового сословия и реформа в системе образования.

Принято считать, что главные сословия России находились на разном уровне социального развития. Крестьянская община, мещанская, ремесленная и купеческая корпорации, а также дворянское общество представляли собой как бы три стадии социальной организации. «Более всего в направлении развития отношений общественного типа продвинулось дворянство, менее всего — крестьянство».¹⁰

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: Катаев В. Чехов и Романовы // А. П. Чехов: пространство природы и культуры: Сб. материалов Международной научной конференции. Таганрог, 2013. С. 5.

⁷ Так, уже давно встречаются работы, касающиеся естественно-научной стороны биографии Чехова. Например, в монографии Е. Б. Меве «Медицина в творчестве и жизни А. П. Чехова» (Киев, 1961) слились воедино научные и художественные элементы творческой биографии писателя.

⁸ Windelband W. History and Natural Science / Introductory Note by G. Oakes // History and Theory. 1980. Vol. 19. № 2. P. 167.

⁹ Обзор историографии по этому вопросу см.: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). СПб., 2003.

¹⁰ Там же. С. 308.

Неоднократно упоминавшийся писателем его отец, Павел Егорович Чехов, относился к купеческой корпорации; по словам сына, он был человеком неплохим, но по известной причине «жестоким»: его бывший наниматель, купец, также жестоко к нему относился. В качестве примеров «жестокости» Павла Егоровича в биографиях Чехова говорится о том, что изо дня в день юный Антон Чехов вместе со своими братьями стоял у двери лавки, ожидая, когда покупатели придут купить немного чая или сахара; кроме того, братья должны были ходить на вечерние и утренние молитвы и петь в организованном отцом хоре.

В 1857 году отец Чехова смог скопить 2500 рублей и, покинув мещанское сословие, вступил в третью купеческую гильдию города Таганрога. В том же году началась торговля в лавке. В 1859 году третью гильдию упразднили. Взяв ссуду, Павел Егорович приписался ко второй гильдии. Начиная с 1868 года его доходы стали расти, что позволяло оплачивать образование детей.¹¹

Б. Н. Миронов в своем антропометрическом исследовании провел анализ рациона питания, динамику цен и зарплат в России в имперский период, упомянул о воспроизводстве элиты в России как главном факторе русских революций XX века. С 1863 года ежегодный гильдейский сбор составлял для купцов второй гильдии всего 150 руб., 1-й гильдии — 500 руб.; 3-я гильдия была упразднена.¹² Будет справедливо предположить, что семья Чехова стала жить лучше после реформы. Именно в отцовской лавке будущий писатель начал «зарабатывать на пропитание в людях». Отец Чехова старался, чтобы вся семья жила надеждами, планами и перспективами, поэтому следует взглянуть на поступки Павла Егоровича в ином, положительном, ключе. С одной стороны, он не мог предвидеть все события своего быстро меняющегося времени, а с другой — как представитель нового сословия в городе, обладающий интуицией и тягой к социальным изменениям, он стремился воспитывать детей по-новому. Несмотря на то, что Павел Егорович был человеком с широким кругозором, раскрывшимся в условиях переломной эпохи, его семья «была обычной патриархальной семьей <...> Отец был требователен и строг, но это вовсе не мешало семье жить в такой завидной дружбе, какую редко встретишь при подобных обстоятельствах».¹³

Анализ социальных изменений, проведенный Б. Н. Мироновым с опорой на исторические статистические данные (например, приведенные в отчете обер-прокурора Святейшего Синода за 1910 год), показывает, что состояние населения после реформы не подтверждает деградацию образования. В доказательство Миронов приводит такие факты: большой спрос на квалифицированные кадры предъявляли судебные органы, земства и городские думы, введенные в результате реформ, а также печать, театры, издательства, банки и, конечно, промышленность. По данным Всеобщей переписи населения 1897 года, в империи без учета Польши насчитывалось около полумиллиона лиц, занимающихся квалифицированным умственным трудом, — чиновники, врачи, учителя, юристы, люди свободных профессий, инженеры. Население России за 1863–1913 годы возросло в 1,3 раза, а число работников квалифицированного умственного труда в сфере образования, медицины, культуры и науки — более, чем в 8–10 раз. Например, учащихся во всех учебных заведениях в 1863 году было 1156 тыс. человек, а в 1894 году — 4013 тыс. человек.¹⁴ По словам Миронова, в XIX веке в сравнении с другими историческими периодами с наибольшей трудностью в поиске работы столкнулись священники: в некоторых приходах наблюдалась нехватка персонала, в других — избыток. Новые профессии отвечали требованиям общества в переломную эпоху. Чехов представлял свою эпоху как студент и как врач, как сын купца и как представитель интеллигенции нового типа.

¹¹ См.: Рейфилд Д. Жизнь Антона Чехова / Пер. с англ. О. Макаровой. СПб., 2014. С. 34–47.

¹² См.: Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М., 2010. С. 645.

¹³ Воспоминания М. П. Чехова цит. по: А. П. Чехов. Литературный быт и творчество по мемуарным материалам / Сост., автор предисловия В. Фейдер. Л., 1928. С. 1 (сер. «Литературный быт и творчество русских писателей по воспоминаниям, дневникам и письмам»).

¹⁴ Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России. С. 647.

Другой аспект касается образования в гимназии. Хотя Чехов не получил полного частного образования, ему посчастливилось испытать на себе новый тип образовательной системы. «Двери гимназии были открыты для евреев, купцов, мещан, детей церковнослужителей и зарождающейся интеллигенции. Выпускники становились врачами, адвокатами, актерами и писателями <...> Телесные наказания были запрещены. <...> Молчаливое неприятие любого насилия над личностью, ставшее стержнем чеховской натуры, берет свое начало именно в школьном классе».¹⁵

Напрямую связана с литературой дилемма становления в России секулярного общества (Secular Society), а не «гражданского общества» в западном понимании. Литературный процесс в 1880-е годы обратился к вопросу секулярного сознания в противоречивый общественно-экономический период, поэтому его литературное осмысление, академическое или эмоциональное («русская хандра»), затруднено. С одной стороны, убийство Александра II спровоцировало реакцию, наложившую «характерный отпечаток на всю духовную жизнь 80-х гг., вызвав кризис идей, волну отчаяния и пессимизма».¹⁶ С другой стороны, именно в 1880–1890-е годы в России сложилась рыночная экономика, т. е., по выражению В. Б. Катаева, «Александр III его прошлые и сегодняшние апологеты ставят в заслугу бесспорное: впервые за целое царствование Россия не участвовала в войнах, и это позволило сосредоточиться на проблемах экономики, вызвало рост производительных сил, укрепление национальной валюты и т. д. Умиротворение — пусть мнимое и непрочное, — внесенное в смятенные умы, обратило молодые силы страны на созидательный, а не разрушительный путь».¹⁷

«Светский» по отношению к обществу XIX века означает «относящийся к свету, высшему обществу, дворянской аристократии». В сочетании же с литературой данное понятие может означать «описывающая светское общество» либо «мирская, секулярная (гражданская, нецерковная)». До Чехова русская литература может быть названа религиозной достаточно условно: религиозность Л. Н. Толстого, например, весьма специфична даже до его духовного перелома, а шопенгауэрианец Тургенев был, по сути, атеистом. В соответствии с такой логикой Чехов, скорее всего, скептик: он не доверяет всему прошедшему, только будущее его тянет.

Тем не менее описываемый период, а именно переход из XIX в XX век, сам по себе уже обладает окраской атеизма, как точно выразился С. Н. Булгаков: «В наш атеистический век наибольшее недоразумение может вызвать утверждение о том, что религия является такой же основной потребностью человеческого духа, как наука и метафизика».¹⁸ Другими словами, в тот решающий период все гуманитарные науки пытались представить убедительные доказательства своей академичности и рациональности. К этому процессу добровольно присоединился и Чехов. Согласно работе А. П. Чудакова, в чеховских произведениях 1881–1887 годов много места занимает субъективно окрашенное повествование. К 1888 году объективное повествование как чеховская художественная форма уже складывается в основных чертах, а главным героем Чехова, по выражению Чудакова, становится *человек из среды* или *обыватель*.¹⁹ Подобную характеристику персонажам Чехова («обыватели») давал и А. Н. Плещеев, который в известной мере помог Антоше Чехонте стать Чеховым: «...не меньший интерес вызывали у Плещеева и те рассказы Чехова, которые на первый взгляд представляли прелестную бытовую картинку, но где за внешней привлекательностью раскрывалась внутренне пошлая и ничтожная мещанская жизнь».²⁰ Почти полное отсутствие разрыва между жизненной реальностью и творческой деятельностью отличает Чехова от предшественников в русской литературе настолько, что до сих пор трудно определить, кто оказал на него наибольшее литературное влияние: обычно упоминают

¹⁵ См.: Рейфилд Д. Жизнь Антона Чехова. С. 38–39.

¹⁶ История русской литературы: В 4 т. Л., 1983. Т. 4. С. 5.

¹⁷ Катаев В. Чехов и Романовы. С. 8.

¹⁸ Булгаков С. Н. Соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 49.

¹⁹ См.: Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М., 1971. С. 58–60.

²⁰ См.: Чехов и Плещеев / Статья и публ. Л. С. Пустильник // Лит. наследство. 1960. Т. 68. Чехов. С. 300.

о влиянии на него писателей за пределами царской России. Так, Чехов видел в Мопассане старшего собрата, совершившего переворот в литературе.²¹

В кругу литературной критики Чехов постоянно находится в состоянии самооправдания, но это не значит, что он был способен решить вопрос о «значении литературы», поставленный Толстым: «Толстому был близок реализм Чехова, правдивость и искренность его творчества, но вместе с тем он находил, что у Чехова отсутствует „своя определенная точка зрения“ и неоднократно отмечал это».²² Поддерживая Чехова-прозаика, Толстой при этом «полностью отрицал его как драматурга. Ни одна из пьес Чехова не нашла положительного отклика у Толстого»,²³ в то время как сегодняшняя критика воспринимает его в большей степени как драматурга, чем писателя-прозаика: «Лучшие критики Чехова склонны соглашаться, что он по сути драматург, даже когда пишет короткие рассказы».²⁴ Другими словами, спорный вопрос сосредоточен на таких ключевых чеховских понятиях, как *обыватель*, *будничная жизнь*, *повседневная жизнь*. У него нет понятия «другой берег», нет осознания метафизики бытия или философских исканий. Так или иначе, как определяет Алевтина Кузичева, «в конце 1880-х годов Чехов выразил свое недовольство отсутствием понимания и сформулировал понятие о том, что все персонажи могут „нарушать правила“, которые были установлены между читателями и писателями. Эти правила включали: четкую моральную характеристику главного героя, которая привлекала бы мысли и чувства читателя; наличие „общей идеи“ и т. д. Чехов становился свободнее, но читатель и зритель по-прежнему уважали общепринятые „правила“, и в значительной степени, если не в решающей, русский читатель и зритель был обязан Чехову тем, что можно назвать пробужденным состоянием русского разума и души. Но этот процесс протекал с невероятными трудностями, обрекая писателя на нелегкий путь в его искусстве».²⁵

Любопытно посмотреть с иной точки зрения на то, как Чехов шел против традиционного литературного течения.

Анна Ахматова в начале 1960-х годов поделилась с Анатолием Найманом своей мыслью о том, что трудно представить себе человека, который обожает Чехова и одновременно не отвергает поэзии, ведь под пером Чехова осталась только скука и «духота лавки», где продаются «колониальные товары». Ахматова с усмешкой отмечает, что Чехов даже не знает, как выбрать своим героям одежду.²⁶ Несмотря на эпатажную форму, это высказывание не было случайным: она с неодобрением отмечала, что Чехов шел навстречу вкусам большинства своих читателей — учителей и врачей, и даже жаловалась на то, что непрерывная постановка «Чайки» в России приведет к уничтожению русского театрального искусства. По мнению Наймана, «Ахматова была антитеатральна, она совсем не умела показать человека, изобразить, как он говорит».²⁷ Но скорее дело в том, что поэты Серебряного века (например, Ходасевич, Цветаева, Мандельштам) не воспринимали творчество Чехова как близкое; так, Чехов и Гиппиус враждебно относились друг к другу и с точки зрения литературных претензий, и с житейской точки зрения: это касается поведения в быту, пессимизма писателя, отсутствия у него религиозности, профетизма.²⁸ Любопытно сопоставить такие

²¹ См.: Катаев В. Б. Тургенев — Мопассан — Чехов: три решения одной темы // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2018. Т. 77. № 6. С. 40.

²² Толстой о Чехове. Незвестные высказывания / Предисловие К. П. Богаевской // Лит. наследство. Т. 68. С. 871.

²³ Там же. С. 872.

²⁴ Bloom H. Introduction // Anton Chekhov / Ed. and with an introduction by H. Bloom. New York, 1999. P. 1.

²⁵ Kuzicheva A. «Breaking the rules»: Chekhov and his contemporaries // Chekhov then and now: the reception of Chekhov in World Culture / Ed. by J. Douglas Clayton. New York, 1997. P. 276.

²⁶ Найман А. Г. Рассказы о Анне Ахматовой. Из книги «Конец первой половины XX века». М., 1989. С. 40–41.

²⁷ Там же. С. 38.

²⁸ См.: Гарапина О. В. Личность и творчество А. П. Чехова в осмыслении З. Н. Гиппиус: К вопросу о связях Чехова с Серебряным веком // Творчество А. П. Чехова: Текст, контекст, интертекст. 150 лет со дня рождения писателя: материалы Международной научной конференции. Ростов н/Д, 2011. С. 34–40.

отношения с позицией другого поэта Серебряного века — А. Блока, который фактически стоял за мировоззренческие взгляды Чехова: очевидна близость восприятия ими глубин жизни переходной эпохи.²⁹

Оставляя «глубины» за рамками данной работы, уделим здесь должное внимание только «кофе и лавке»: теоретически это верно, если учесть биографические испытания Чехова и чеховских героев. Впрочем, не только Чехов увлекается описанием жизни лавки: например, Лев Толстой в романе «Война и мир» также не обошел стороной это явление. В Российской империи иметь собственную лавку считалось первым шагом в обеспеченную жизнь: «Ферапонтов двенадцать лет тому назад, с легкой руки Алпатыча, купив рошу у князя, начал торговать и теперь имел дом, постоянный двор и мучную лавку в губернии. <...> С восьмью часами к ружейным выстрелам присоединилась пушечная пальба. На улицах было много народу, куда-то спешащего, много солдат, но так же как и всегда ездили извозчики, купцы стояли у лавок и в церквях шла служба. Алпатыч прошел в лавки, в присутственные места, на почту и к губернатору. В присутственных местах, в лавках, на почте, все говорили о войске, о неприятеле, который уже напал на город; все спрашивали друг друга, что́ делать, и все старались успокоивать друг друга».³⁰

Жизнь Чехова, учитывая его бурное время, была перенасыщенной. Возвращаясь к разговору о семье писателя, стоит отметить, что отец писателя, который был «в жизни безжалостный деспот и отъявленный грубиян»,³¹ не имел успеха и в своих предприятиях, носивших характер увлечений — от торговли испитым чаем и другими «колоннальными товарами» до церковного хора, — они проваливались.

Всеми этими увлечениями он заставлял заниматься детей, в том числе и Антона, считая, «что прежде всего дело, лавка, затем церковь, а гимназия и тем более посторонние занятия подождут».³² П. Е. Чехов открыл свою лавочку, но, как большинство других купцов-неудачников, он в конце концов оказался несостоятельным. Его мечта превратилась в кошмар, и после разорения отец отправился в Москву с основной частью домочадцев, а Антон остался заканчивать учебу в Таганроге, где наслаждался безнадзорной молодостью. Несмотря на это, как только Чехов стал профессиональным писателем, «лавочная жизнь» заняла важное место как в его творчестве, так и в быту: он взял на себя содержание всей семьи. Приведем одну цитату из письма Чехова своей сестре Марии: «Сумку для почты постараюсь найти; охотно привез бы для тебя и для мамаша чулок, если бы вы написали размер, как я просил вас о том; но вы не написали, и я не знаю, какого купить белья. Между тем в Париже белье дешево; чулки, платки, воротнички, сорочки — всё это модно и дешевле грибов. <...> Скажи папаше, что пиджак куплю, брюки же без примерки нельзя покупать, можно ошибиться и даром бросить деньги. Фуражку куплю».³³

Много свидетельств о «сладких хлопотах» семьи можно найти в переписке Чехова с Марией: семейные скандалы, неустроенность, безденежье... Писатель несколько тяготился этим, что чувствуется по письмам, но явно без надрыва, без истерики. Помимо таланта он обладал остроумием, наблюдательностью, остальное развивалось постепенно на почве бешеной работоспособности. Разумеется, в исследовательском кругу сложилось мнение, согласно которому тяжелое детство, в том числе и лавочная жизнь юного Чехова, заставляет писателя принять трудности и заботы как часть своей доли. Но на самом деле, будучи молодым студентом медицинского факультета в Московском университете, будущий писатель старался скрыть эту мрачную сторону своей жизни. В регулярных письмах к брату он рассказывал исключительно о своих успехах, в письмах к родителям — даже шутил. Когда молодой Чехов начал публиковаться в газетах

²⁹ См.: *Петухова Е. Н.* «Чехова принял всего, как он есть, в пантеон своей души...» (А. Блок) // Там же. С. 244–252.

³⁰ *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. М., 1940. Т. 11. С. 112–113.

³¹ *Рейфилд Д.* Жизнь Антона Чехова. С. 27.

³² *Чудаков А. П.* Антон Павлович Чехов. М., 2013. С. 13.

³³ *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1979. Т. 7. С. 195 (письмо от 1 (13) апреля 1898 года из Ниццы).

и журналах под разными литературными псевдонимами (среди них встречается и женский), его однокурсники не имели представления, кто такой этот молодой человек, который часто сидел в углу аудитории, подперев щеку рукой. Как известно, достижения в творческой деятельности могут частично объясняться наличием у писателя горького жизненного опыта. Хотя жизнь в Москве у Чехова сложилась нелегко, он по крайней мере никогда не испытывал голод. В отличие от юного Достоевского, чья жизнь в Петербурге была наполнена горечью, или Горького, чья повесть «Детство» описывает полное печали, мрачное бытие, Чехов своим творческим трудом показал, что «бедность» — не самая большая беда. Напрямую тему бедности он затрагивает только в редкой публицистике, где призывает людей помочь беднякам.

Лавочная жизнь в рассказах Чехова становится исторической объективностью, реальностью, а не метафорой или художественным образом. Почти на всем творческом пути писателя присутствует «лавочная» объективность и конкретность: «Ванька» (1886), «Делец» (1885), «Канитель» (1885), «Спать хочется» (1888), «Певчие» (1884), «Архиерей» (1902), «Отец семейства» (1885), «Степь» (1888) и др. Так, в рассказе «Ванька», опубликованном в «Петербургской газете» (№ 354) в декабре 1886 года, в отправленном «на деревню дедушке» письме мальчика одним из важнейших факторов большого города в его глазах стала лавка: «...раз я видал в одной лавке на окне крючки продаются прямо с леской и на всякую рыбу, очень стоящие, даже такой есть один крючок, что пудового сома удержит. И видал некоторые лавки, где ружья всякие на манер бариновых, так что небось рублей сто каждое... А в мясных лавках и тетерева, и рябцы, и зайцы, а в котором месте их стреляют, про то сидельцы не сказывают».³⁴

В повести «Степь» Чехов пишет: «От нечего делать, чтобы хотелось чем-нибудь убить время, он (Егорушка. — Т. Х.) зашел в лавку, над дверями которой висела широкая кумачовая полоса. Лавка состояла из двух просторных, плохо освещенных половин: в одной продавались красный товар и бакалея, а в другой стояли бочки с дегтем и висели на потолке хомуты; из той, другой, шел вкусный запах кожи и дегтя. Пол в лавке был полит; поливал его, вероятно, большой фантазер и вольнодумец, потому что он весь был покрыт узорами и каблистическими знаками. За прилавком, опершись животом о конторку, стоял откормленный лавочник с широким лицом и с круглой бородой, по-видимому великоросс».³⁵

Эти фрагменты уже давно привлекают внимание исследователей. В последние годы в работах о Чехове к их анализу часто обращаются с позиции экономики или экономической истории. Так, экономист О. Ю. Мамедов считает, что «Житейские невзгоды» (1885) молодого писателя Антоши Чехонте — шедевр экономической беллетристики. По мнению Мамедова, в этом рассказе «поражает все — и четкий финансовый язык, и ясное изложение предстоящей интриги, а главное — уверенность автора в том, что читатель все поймет. <...> Чехов излагает такие детали, которые могли бы затруднить хотя бы и доцента с кафедры финансов современного университета <...> какой же прекрасной музыкой звучат финансовые термины эпохи минувшей рыночной повседневности — „задаток“, „проценты“, „годовые“, „комиссионные“, „гербовый сбор“, „почтовые расходы за пересылку залоговой квитанции“, „страхование билета“, „транзит“, „эlevator“, „пени“. <...> Чехов не писал „про экономику“. Зато он знал жизнь. И эта жизнь была — рыночной, финансовой, расчетливой. Знание этой финансовой жизни и породило маленький житейски-экономический шедевр».³⁶ Другим примером может послужить статья А. И. Станько «А. П. Чехов о рыночных отношениях в России после реформы 1861 года», автор которой анализирует экономический контекст произведений Чехова, обусловленный крестьянской реформой 1861 года: «...сельский житель, приспособляясь к новым веяниям в экономике, вынужден был осваивать такие понятия, как уставные грамоты, выкупные платежи и т. п. <...> Городские жители, а также устремившиеся на промышленные предприятия в поисках заработка бывшие крепостные крестьяне

³⁴ Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. Т. 5. С. 480.

³⁵ Там же. Т. 7. С. 61–62.

³⁶ Мамедов О. Ю. Экономический шедевр Антоши Чехонте // Экономический вестник Ростовского гос. ун-та. 2008. Т. 6. № 1. С. 127–129.

сталкивались с такими явлениями, как биржа, банкирская контора и др.». Исследователь обращает внимание на то, что рост «числа обманутых вкладчиков, держателей акций, жертв финансовых пирамид из среднего сословия и малоимущих граждан» был обусловлен читательским опытом этих людей, привыкших к официальным изданиям и воспринимавших печатное слово как санкционированное властями, и рассматривает в этом контексте цикл очерков Чехова «Дело Рыкова» как пример «популяризации экономических знаний среди населения» с целью его финансового просвещения.³⁷

Если обратимся к семантике слова «лавка», то обнаружим, что оно обозначает не только «небольшой магазин», но и «длинную скамью, обычно укрепленную вдоль стены».³⁸ Лавки можно было увидеть в русских церквях и в деревенских жилищах. Однако к настоящему времени в современной России продолжают использоваться и первым значением этого слова, встречающегося на некоторых вывесках некоторых магазинов: «Художественная лавка», «Книжная лавка писателей» и т. п. Эти лавочки — лишь места, отвечающие за повседневный спрос на книги или товары для творчества. Покупатели, знакомые с русской литературой и историей, вероятно, поймут, что в этих местах продают интересные и недорогие сувениры. Русские лавочки напоминают небольшие магазины в китайском городе Шанхае в 1970-х годах, где можно было найти разные мелочи, необходимые в обиходе, при этом большой прибыли они не приносили, скорее являлись средством выживания для мелких предпринимателей.

Анализ понятия «лавка» показывает, что это не просто значимый концепт в экономической жизни дореволюционной России. В истории мировой экономики также найдутся свидетельства его радикальной популяризации во всем мире. По мнению культуролога Г. М. Поспеловой, сейчас вывески пестрят названиями: винная лавка, мясная лавка, гастрономическая лавка, коммерческая лавка, церковная лавка, лавка Русской православной церкви. Слово «лавка», как правило, используется в полном соответствии с его толкованием в словарях. Зачастую графически стилизованное, оно придает современным заведениям некую «старинную» привлекательность.³⁹ Из обзора форм розничной торговли в контексте мировой истории, предпринятого Д. В. Швецовым, следует, что лавка как торговое пространство появилась после ярмарки в процессе роста торговли начиная с XV века, но постепенно уходит в историю, уступая универсальным магазинам, развивавшимся, прежде всего, в Америке. Лавка наряду с ярмаркой рассматривается как один из двух основных видов торговли на начальном этапе: «Характерной чертой лавки является то, что в отличие от ярмарки, которая действовала регулярно, но периодически, время от времени меняла свою дислокацию, лавочная торговля велась постоянно на одном и том же месте с перерывами на ночной сон торговца и его семьи. Именно это постоянство, которое также означало постоянство клиентуры и поставщиков, подтолкнуло к развитию того, что принято считать причиной расцвета лавок — потребительскому кредиту».⁴⁰

В связи со всем вышесказанным понятие лавки заставляет иначе посмотреть на ряд художественных произведений Чехова: помимо происхождения, семейной традиции существуют другие исторические и социальные факторы, не только повлиявшие на описание лавки в его произведениях, но, шире, способствовавшие становлению чеховского представления о литературе.

При пересмотре динамики уровня жизни за период существования империи на основе экономических и социальных показателей мы можем увидеть и новый путь для интерпретации творчества Чехова и его личности. Писатель в своих произведениях описывает разноликую картину светского общества Российской империи. После реформы 1861 года граница между сословиями становится размытой, прежние сословия не были способны жить в новой экономической и социальной среде. Это касалось

³⁷ См.: Станько А. И. А. П. Чехов о рыночных отношениях в России после реформы 1861 года // Известия Южного федерального ун-та. Филологические науки. 2008. № 3. С. 116–117.

³⁸ Большой академический словарь русского языка: В 30 т. М.; СПб., 2008. Т. 9. Стб. 16.

³⁹ Поспелова Г. М. Как изменились городские вывески // Культура речи. 1997. № 1. С. 58.

⁴⁰ Швецов Д. В. Базар, ярмарка, лавка, магазин: Генезис форм розничной торговли // Terra economicus. 2011. Т. 9. № 3. С. 25.

как (формально сохранившегося) бывшего дворянства, так и новых сословий, которые сложились в период реформы и постепенно исчезли после революции 1905 года. А отец Чехова, как купец второй гильдии, мог отнести себя к «элите сословия купечества», он имел почти такой же общественный статус, какой имеется у священнослужителей. Купечество, следуя за аристократами, чиновниками и почетными гражданами, относилось к одному из самых сложных неоднородных сословий, и потому неудивительно, что писатель неоднократно представлял в своих произведениях жизнь таких людей. Его героями становились, с одной стороны, купцы, молодые интеллектуалы, число которых увеличилось в результате социальных изменений 1861 года. С другой стороны — монахи и учителя, которые по-прежнему находились в неблагоприятных социальных условиях, но при этом обладали богатым духовным миром.

По сравнению с предшественниками насыщенного обсуждения религиозных проблем у Чехова уже нет. Точнее, нет очевидной дидактики. Как определяет А. П. Чудаков в «Поэтике Чехова», «в союзе „личность — идея“ в мире Чехова важнейшее значение приобретает первое. <...> В отличие от героев Гончарова, Тургенева, Толстого и особенно Достоевского подобные персонажи в рассказах и повестях Чехова не так уже часты. Гораздо более распространен герой, отношение к миру у которого не расчленено, идеологически не оформлено».⁴¹ Таким образом, Чехов изображает атомизированное буржуазное общество, в котором присутствует сословная принадлежность (разночинец, купец, интеллигент или архиерей).

Необоснованно считать, что произведения Чехова являются прямым отражением его собственной жизни в детский период. Это утверждение имеет больше оснований по отношению к Льву Толстому, который придерживался традиции русского аскетизма, добровольно отказываясь от тех благ, которые были ему положены согласно его происхождению и положению в обществе. В отличие от своего предшественника Тургенева или современника Горького, а также и уважаемого им Толстого, Чехов не намеревался заниматься литературным творчеством, транслируя в нем субъективное чувство морали и ответственности. Вместо этого Чехов показывает лиричность личности русского человека. В этой смене ракурса и заключается модернизм писателя.

На сегодняшний день как в русскоязычных странах, так и за их пределами многие продолжают считать себя читателями, зрителями и даже друзьями Чехова — писателя, который всей душой любил мир, с глубокой нежностью защищал его, сочувствовал и сострадал ему. Без излишнего морализаторства, но со всей мощью экономической необходимости лавка становится в творчестве Чехова метонимией этого мира, вместившей горести и радости простого «обывателя». В то же время он, вероятно, внутренне отдалялся от толпы людей. Известна история свадьбы Чехова и О. Л. Книппер, прошедшей почти без свидетелей. В письмах к тогда еще невесте, посланных в апреле 1901 года из Ялты, Чехов писал, что намеревается приехать в Москву для работы, для прогулок в хорошую погоду: «Я приеду в Москву главным образом за тем, чтобы гулять и наедаться. Поедем в Петровско-Разумовское, в Звенигород, поедем во все места, лишь бы хорошая погода была. Если согласишься поехать со мной на Волгу, то будем есть стерлядей».⁴² Чехов просил Книппер, чтобы никто из московского круга не знал о том, что они поженятся. Причиной было отвращение писателя к разнообразным церемониям и благословениям, которые он считал неуместными. В письме он также предложил своей невесте сразу же уехать из Москвы: «Если ты дашь слово, что ни одна душа в Москве не будет знать о нашей свадьбе до тех пор, пока она не совершится, — то я повенчаюсь с тобой хоть в день приезда. Ужасно почему-то боюсь венчания и поздравлений, и шампанского, которое нужно держать в руке и при этом неопределенно улыбаться. Из церкви укатить бы не домой, а прямо в Звенигород. Или повенчаться в Звенигороде».⁴³

⁴¹ Чудаков А. П. Поэтика Чехова. С. 256.

⁴² Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1981. Т. 10. С. 17 (письмо от 26 апреля 1901 года, Ялта).

⁴³ Там же.